

НИКОЛАЙ СЕМЧЕНКО

Граф Грей

Николай Васильевич Семченко

Граф Грей

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12196961
ISBN 9785447428099*

Аннотация

Герои фантастического романа «Граф Грей», проводящие время в чате, попадают в странную историю, их ждут невероятные приключения. Каким-то образом виртуальная жизнь материализуется и влияет на реальность. Любовь, предательство, нежность и страсть – это и многое другое наполняет текст романа, который читается на одном дыхании. В конце концов герои романа понимают о жизни нечто очень важное. Такое, что вам и не снилось!

Граф Грей

Николай Семченко

© Николай Семченко, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

Необходимое предисловие

Лет десять-пятнадцать назад чаты в Интернете только-только входили в моду, и «сидели» в них так же, как и теперь, люди самых разных возрастов, но в основном, конечно, молодёжь. Одним из самых популярных тогда был Хабаровский чат.

Граф Грей, Ночка, Киска, Миледи, Мэлс, Интер, Чёртик, Эн и другие персонажи этого чата стали теперь легендой. О них помнят, их уважают. Они были именно персонажами – с какой-то мифической биографией, допустим; со своей игрой, приколами, шутками-прибаутками.

Именно тогда автор начал писать в онлайн-режиме на «Прозе.Ру» этот текст. Участники чата могли читать написанное, давать советы (впрочем, автор, прочитав их, всё равно, упрямый, поступал по-своему). В рейтинге текстов «Прозы.Ру» текст занимал первые места, что указывало на то, что его читают и, возможно, он даже нравится читате-

лям.

Написав роман, автор понял: главного героя в нём всё-таки нет, главные – все. И сам роман получился каким-то пунктирным. Кажется, немецкая писательница Анна Зегерс первой придумала такую форму: роман-пунктир. Автор лишь воспользовался её художественным открытием.

Считается, что известный сорт чая с бергамотом «Граф Грей» назван так в честь Чарльза Грея, 2-й графа Грея (даты жизни: [битая ссылка] 13 марта [битая ссылка] 1764 – [битая ссылка] 17 июля [битая ссылка] 1845) – видного британского политика от партии вигов, 26-го премьер-министра Соединенного королевства с 1830-го по 1834-й год. Он добился отмены работорговли в Британской империи. В 1832 году провёл крупную избирательную реформу, которая изменила лицо политической системы Великобритании. В 1834 году удалился на покой.

Продвижению Грея в партии вигов способствовал его роман с герцогиней Девонширской, что обыгрывается в фильме «Герцогиня».

Лорд Грей ежедневно обменивался письмами со своей возлюбленной Доротеей Ливен. Его вдова впоследствии предала эту переписку гласности.

Автору, однако, граф Грей представлялся эдаким авантюристом, который ходил в моря-океаны, высаживался на необитаемых островах, не ведал страха и стремился к горизонту... Может, в глубине души Чарльз Грей и был таким.

Есть несколько версий происхождения названия чая «Граф Грей». Согласно одной из них, английские мореходы спасли от смерти сына китайского мандарина, и, расчувствовавшись, знатный вельможа открыл премьер-министру Великобритании графу Грею тайну рецепта уникального ароматизированного чая. Есть альтернативная версия: Чарльз Грей не стал дожидаться милости от мандарина и хитростью выведал рецепт бергамотового чая, хранившийся в строгом секрете. Однако обе версии как-то не учитывают того обстоятельства, что черный чай с ароматом бергамота никогда не был традиционным китайским напитком.

Может, правдоподобнее такая версия. В сильный шторм на чайном клипере разбилась бочка с бергамотовым маслом, и ароматная жидкость разлилась по палубе, попав на всю партию чая. На удивление получилось вкусно! Есть ещё одна версия: будто бы граф Грей, который был заинтересован в поставках индийского чая, специально облил бергамотовым маслом китайский чай. ОН думал, что таким образом дискредитирует чай из Поднебесной. Но, однако, на удивление всем получился ароматный и вкусный чай! чтобы дискредитировать его.

Есть и совсем неромантическая версия: чай с бергамотом называли так в честь известного политика из уважения к его заслугам.

Написав роман, автор положил его в стол. И благополучно забыл об этом. А недавно нашёл рукопись и подумал: «А по-

чему бы её и не издать? Всё-таки в ней – история Хабаровского чата и её персонажей. Возможно, это будет интересно и тем, кто часто проводит время в различных современных чатах...»

Ну а теперь пора заварить чай «Граф Грей» и приступить к чтению...

«Но до сего дня не дал вам Господь сердца, чтобы уразуметь, очей, чтобы видеть, и ушей, чтобы слышать. Да не будет среди вас корня, произращающего яд и полынь, такого человека, который похвалялся бы в сердце своем, говоря: „Я буду счастлив, несмотря на то, что буду ходить по произволу сердца своего“, и пропадет таким образом сытый с голодным.»

(Втор., 24. 4, 18—19).

«... суть в нашей душе, в нашей совести и в даянии зла. Это обаяние было бы необъяснимо, если бы зло не было озарено прекрасной и приятной внешностью».
(Из письма А. С. Пушкина к А. И. Тургеневу).

1.

– Вы невыносимы, граф! – Маркиза, слегка пожав плечами, прикрыла веером лукавую улыбку. – Зачем вы так поступаете? Заинтригуете бедную несчастную девушку, дадите ей надежду, но в самый последний момент сошлётесь на какие-то важные дела и удалитесь, покачивая перьями на шля-

пе...

– Ах, что поделаешь, мадам! – притворно вздохнул граф и подкрутил кончики усов кверху. – Столько дел и забот, что – спаси, Аллах!

– Но неужели в вашем расписании не найдется крохотного «оконца», чтобы выпить чашечку кофе со мной? – Маркиза нетерпеливо топнула ножкой. – Между прочим, другие господа сами просят меня о свидании. А я, забыв гордость, так низко пала, что навязываюсь вам сама...

– Мадам, что вы творите? Ах, что за метаморфозы со мной приключились? И уши, и щеки полыхают уж огнем. Горю, и дыма нет! – воскликнул граф и демонстративно заломил руки. – Что прикажете делать, мадам, если эти растреклятые графские дела никогда не кончаются? Этикет не позволяет спихивать их на подданных. Деловые встречи, обязательные обеды с нужными людьми, фуршеты, презентации, брейк-кофе и прочее не оставляют времени на частную жизнь. Вам бы пожалеть меня, жестокосердная...

– В таком случае я предлагаю вам свои экскортные услуги, – побледнев от волнения, с некоторым усилием вымолвила Маркиза. – Я согласна быть при вас где угодно, лишь бы наконец..., – она запнулась, подыскивая нужные слова, но так и не найдя их, выпалила:

– Лишь бы выпить чашечку кофе в вашем очаровательном обществе!

– Извините меня, сударыня, – граф глухо кашлянул. – Я

вынужден откланяться. Рога трубят, боевые знамена развеваются, мой нетерпеливый конь бьёт копытом землю...

– Вы всегда удаляетесь так стремительно, потому что не хотите дать конкретный ответ, – Маркиза надула губки, но, вспомнив о том, что граф может это увидеть, тут же воспользовалась веером: он прикрыл её лицо почти до глаз. – Однако я вас прощаю, вы такой гадкий, невыносимый, но невероятно очаровательный соблазнитель. До встречи!

– Не поминайте лихом!

– А где ваш поцелуй на прощанье?

– Он летит уж к вам быстрее лани! – граф небрежно приложил узкую ладонь к тонким, холодным губам и послал Маркизе воздушный поцелуй. – Я буду думать о вас...

Маркиза зачарованно наблюдала, как он легко и стремительно подошел к выходу и, полуобернувшись, изящно откинул голову и чуть насмешливо кивнул – нет, не только ей, а всем, кто оставался в зале. С Маркизой он всегда прощался персонально, и она не могла понять, за что ей оказывается такая честь – быть среди немногих, избранных самим графом.

– Прощайте, граф! – воскликнула она и помахала вслед ему полураскрытым веером. – Передавайте мой привет вашему другу...

Но он, как всегда, сделал вид, что не расслышал её последних слов и решительно захлопнул за собой дверь.

– Ах, я не рождена для счастья, – горестно шепнула Мар-

киза и смахнула с ресницы нечаянную слезинку. – Есть творения, которых природа создает только затем, чтобы обрушивать на них несчастье за несчастьем. Они служат ей для опытов по определению предела человеческой выносливости. Но меня испытывают слишком долго и упорно...

– Маркиза, все не могут претендовать на равное счастье, – шепнул вдруг чей-то тонкий голосок. – Уравниловка – это самое скучное, что только можно придумать. На самом ли деле вы хотите обладать причитающейся вам долей счастья – ровно такой, как и у остальных: ни больше – ни меньше ни на йоту? В обществе поголовного счастья не скучно б стало вам, Маркиза?

Она сразу поняла, что в комнату вошел тот, кому она только что передала привет через графа Грея. Вот только он вошел не под своим именем: он был Инкогнито. Однако его речь невозможно спутать ни с чьей: он всегда говорил правильно, будто сверяясь со словарями: ни одной ошибки, никакого сленга, принятого среди молодёжи, и, что самое главное, – этот человек изящно и тонко искушал своими вопросами. Ну, конечно же, конечно, это был сам Дьяволенок, закрывший свое лицо другой маской. Но, впрочем, Маркиза не совсем в том была уверена и поэтому решила сделать вид, что ни о чем не догадалась.

– Привет! – недогадливая девушка Маркиза простодушно сделала реверанс. – Господин Инкогнито, печалюсь единственно о том, что стоит мне скопить несколько крупинок

счастья, как бурный водоворот жизни тут же и смывает их с ладошки...

— А разве вы не догадываетесь, что ладонь с этими крупинками нужно крепко сжать? — улыбнулся Инкогнито. — Кроме водоворота, существует ещё ветер. Его крепкий порыв обламывает верхушки столетних деревьев и перекатывает камни-валуны, что уж говорить о каких-то крупинках? Их вообще лучше хранить в шкатулке...

— Вашими бы устами да мед пить, — Маркиза кокетливо шевельнула веером и томно вздохнула. — Ну, такая вот я недогадливая девушка...

— Однако наличие шкатулки вы не отрицаете, — усмехнулся Инкогнито. — И что же вы в ней держите, извините за нескромный вопрос?

— Всякие миленькие пустячки: например, засушенную желтую розу, подаренную неким Дьяволенком, — Маркиза потупила лукаво сверкнувшие глаза, — пару любовных записочек, несколько визитных карточек и перышко птички обломинго...

— Вам удалось-таки ухватить эту несносную птичку за хвостик? — Инкогнито рассмеялся. — Обычно она обламывает даже самого ловкого птицелова и, не задерживаясь, улетает. Высоко летит, далеко глядит...

Маркиза растерялась. Ей вовсе не хотелось рассказывать собеседнику о том, что намерена она почти что познакомиться с Дьяволенком. Регулярно являясь миру, он, тем не ме-

нее, оставался для всех личностью загадочной и таинственной. Лишь граф Грей каким-то образом умудрился с ним познакомиться, и они вдвоем иногда пили пиво в летнем кафе под зонтиками у театра музыкальной комедии. Но об этом, впрочем, тоже мало кто знал. О месте их традиционного пивопития Маркиза проведала случайно

В тот день граф Грей так же мимо болтал с ней обо всем и ни о чём. Вдруг вошел Дьяволенок и, не обращая ни на кого внимания, произнес как бы в пространство:

– Жажда мучит. Через двадцать минут конец рабочего дня. Граф, ты не собираешься отбыть в спасительную тень дивной Мельпомены?

Под тень той самой дамы, что вначале считалась музой всех песен подряд, а потом – только печальных? – пряча ироничную улыбку в усы, уточнил граф. – Короче, в обычном месте?

– Там, где Мельпомены бурной протяжный раздаётся вой, где машет мантией мишурной она пред хладною толпой, – Дьяволенок медленно и важно произнес строки из «Евгения Онегина» и, довольный произведенным впечатлением, нетерпеливо спросил:

– Ну, так ты собираешься?

– Еще как собираюсь! – живо откликнулся граф Грей. – У меня кондиционер вышел из строя: сижу тут, как мокрая мышь. А под Мельпоменой – свежий ветерок, холодное пиво и классный сок помидоров без соли...

– Идем?

– Да, прямо сейчас и идем, – сказал граф. – Если придешь раньше меня, возьми бутылочку «Эфеса». Чтоб я сразу к ней припал!

Маркиза была дамой начитанной и, конечно, сразу сообщила, что речь идет о музе трагедии, почему-то изображенной на стене театра музыкальной комедии. Это был барельеф высокой женщины со строфием на голове, в венке из виноградных листьев и в мантии, ниспадающей на котурны. В одной руке Мельпомена держала трагическую маску, в другой – меч.

Видимо, скульптор посчитал, что муза трагического театра вполне может покровительствовать и театру музыкальному. Но в этом заведении очень любили кордебалет и всякие фривольные куплетики (что, кстати, и публике нравилось тоже), так что вполне уместным было бы изображение Терпсихоры – этой вечно юной танцовщицы с лирой в руке. Ну, и в паре с ней можно было б поставить Каллиопу – старшую из девяти муз, имеющую прекрасный голос. Но вне конкуренции на это место была, конечно, сама Талия – муза комедии. Одета так же легко, как нынешние девушки, она неплохо бы смотрелась на фронтоне театра с комической маской в левой руке и звонким бубном – в правой. «Уматная гёрла, – сказала бы по этому поводу Дарлинг, одна из приятельниц Маркизы. – Полный отпад!»

Впрочем, как считала просвещенная Маркиза, на этом

храме непонятно какого искусства можно было бы изобразить всех театральных муз. Скульптор, однако, поименно их не знал и ограничился одной. Что, кстати, изрядно веселило студентов-первокурсников педагогического института, расположенного неподалеку от этого театра. Принимаясь за штудирование древнегреческих мифов, которые входили в учебную программу, они обнаруживали дилетантизм довольно-таки известного мастера, но профессор античной литературы, нахмутив белесые бровки, остужал их пыл: «Театр возводили в самый пик застоя, и тогда была принята совсем другая символика. Это ещё счастье, что в трудах Леонида Ильича не нашли сколько-нибудь подходящей цитаты, а то вместо барельефа Мельпомены красовалось бы изречение бровеносца...»

Маркиза, кстати, как раз и училась в том пединституте. Ни она, ни её однокурсники и ведать не ведали о нравах эпохи застоя. Она была для них уже историей.

Впрочем, Маркизу больше занимала совсем другая история. И она была связана с Дьяволенком.

Откуда, как и когда он появился – этого никто не помнил. Всем казалось, что Дьяволенок был всегда. В любое время года он входил в комнату для бесед в одной и той же одежке: легкие шортики, линиялая футболка, кроссовки фирмы «Адидас».

– Тому, кто носит «Адидас», любая баба даст! – нагло ржал поручик Ржевский.

– Ага, если они – настоящие, фирменные, – соглашался Дьяволенок и, скромно вздохнув, опускал глаза на свои кроссовки. – А эти сделаны в Таиланде. Самопал!

– Но ты сам-то не самопальный дьяволенок, а? – ехидно допытывался темпераментный Айс. – Можно с тобой скорешиться? Когда придет пора отправляться мне в ад, обеспечишь по благу местечко получше?

– И мне, и мне местечко! – канючила знойная Ночка. – Хочу рядом с Истом стоять в аду!

– Господа, я наводил справки и выяснил: стоячие места забронированы до 2045 года включительно, – встревал в разговор всезнающий Доцент. – Остались лишь лежачие, причем исключительно на раскаленной сковородке...

– Поразительная осведомленность, – удивлялся Дьяволенок. – Надо предупредить службу адской безопасности: пусть изучат каналы утечки важной служебной информации...

Когда Дьяволенок появлялся в комнате, Маркиза делала вид, что теряет дар речи, и это при том, что лезть в карман за словом ей обычно не приходилось. Ну, нравился он ей, нравился!

Она почему-то решила, что Дьяволенок – симпатичный, вполне партикулярный молодой человек из приличной семьи, хорошо устроенный в жизни и не знающий, что это такое: перехватить десятку-другую до зарплаты. По крайней мере, в разговорах он постоянно упоминал самые изыс-

канные и дорогие кафе, бильярдные, дискотеки, и курил сигареты с угольным фильтром, и не понимал, как можно пить поддельную водку, если в супермаркетах есть «Флагман» и «Смирнофф». А ещё он читал всякие умные книги, и постоянно ссыался в разговорах на философов, известных писателей, поэтов и журналистов.

Маркиза была просто очарована Дьяволенком, и он, кажется, догадывался об этом, но ровным счетом ничего не предпринимал, чтобы познакомиться с ней ближе. Так что первый шаг пришлось делать ей самой.

Поскольку Маркиза знала графа в лицо и даже была ему представлена, то, оказавшись под Мельпоменой, она надеялась привлечь его внимание и таким образом оказаться в их компании. Волей-неволей Дьяволенок вынужден будет познакомиться с ней и, может быть, она даже ему понравится. На Маркизе в тот день, кстати, была легкая ажурная кофточка и короткая юбка: всё, что мужчина хотел бы знать ещё до постели, в принципе, было видно, и причем, довольно убедительно.

Однако напрасно она сделала и один круг, и второй вокруг того летнего кафе под зонтиками. Граф либо так был увлечен беседой с Дьяволенком, что не замечал Маркизу, либо – ну, не негодяй ли? – делал вид, что не видит её, девицу-красу с каштановыми волосами ниже плеч, настоящим, а не каким-нибудь искусственным румянцем и скромным, но вместе с тем и чуть затаенным взглядом карих глаз, обещающим

некую тайну.

Пару раз Дьяволенок бросал на неё скучающий, равнодушный взгляд, но смотрел при этом как бы сквозь неё. И тогда Маркиза, не выдержав такого пренебрежения, взяла у барменши бутылку «Балтики №9» и с самым независимым видом уселась за соседний столик. При этом она положила ногу на ногу, и, решив закурить, обнаружила, что у неё нет зажигалки (на самом деле она лежала у Маркизы в сумочке). Покрутив сигарету в руках, девушка оглядела соседние столики и, не обнаружив там курящих мужчин, вздохнув, обратилась к соседям:

– Господа, у вас не найдется огонька?

Граф, наконец, прозрел и воскликнул:

– Конечно, найдется, – и, чиркнув зажигалкой, ловко дал ей прикурить. – Давненько я вас, Маша, не видел. Кстати: здравствуйте!

– Здравствуйте, – отозвалась Маркиза. – А я всё жду вашего приглашения на чашечку кофе. По моим расчетам, осталось два года и десять месяцев...

– Нет-нет, обещанного не обязательно три года ждут, – граф смутился, но тут же хлопнул себя по лбу и воскликнул: А может, мы с вами все-таки не станем исключением из этого правила, а? Традиции надо соблюдать! Вот пройдет положенное время...

– Вы несносный, – Маркиза дурашливо надула губки и сделала вид, что рассердилась. – Никто вас за язык не тя-

нул. Сами предложили эту чашечку кофе...

Дьяволенок участия в их разговоре не принимал. Потягивая светлое пиво из высокого пластикового стакана, он блуждал скучающим взглядом по клумбам с карликовыми георгинами, фиолетовыми петуниями и разноцветным портулаком.

Цветы его не впечатлили, и он направил взор на мощный рекламный щит, установленный перед театром. Пестрые плакаты, наклеенные сикось-накось, обещали неземные ощущения на концертах Бориса Моисеева и Валерия Леонтьева, классную вечеринку на шоу Децла и Дельфина, незабываемо волнительное проникновение в мир классической музыки с помощью какого-то местного камерного ансамбля. Опереточная стареющая дива городского масштаба, некогда подававшая большие надежды, зазывно раскрыла впечатляющих размеров огненно-красные губы. «Добро пожаловать в арт-салон к Илоне! – гласила надпись над ней. – Вам будет со мной хорошо!»

Дьяволенок хмыкнул и перевел взгляд на Маркизу. Но напрасно она, округлив глаза, поспешно растянула губы в радужной улыбке – молодой человек, не впечатлившись ею, довольно бесцеремонно вмешался в её диалог с графом:

– А что вам мешает выпить этот кофе прямо сейчас?

– Ничто, – сказал граф, и даже сам удивился необыкновенной простоте разрешения проблемы. – В самом деле!

Маркиза уже было решила, что друг графа наконец-то

проявил к ней интерес и приготовилась пококетничать с ним, но он встал и, обращаясь только к Грею, сказал:

– Смею надеяться, граф, что ваш кофе тет-а-тет закончится ещё сегодня? Если у тебя будет желание, то заглядывай в бильярдную. Сыграем партию-другую в пул...

И, легко улыбнувшись Маркизе, он ушел.

Напрасно Маркиза пыталась выпытать у графа, с кем это он пил пиво, и как зовут этого молодого человека, и почему он никак не реагировал на её присутствие. Всё было безуспешно. Граф уперся и ни в какую не признавался, что это как раз и был сам Дьяволенок.

– Если бы он хотел, то сам бы тебе представился, – твердил граф. – Единственное, что могу сказать, – зовут его Евгением...

– А под каким именем он бывает в комнате? – не успокаивалась Маркиза. – Признайся, это Дьяволенок?

– Да что вы все на нем помешались? – кипел негодованием граф. – Подумаешь, самая загадочная личность! Да он специально туману напускает, чтобы привлечь внимание всяких юных барышень. Может, он ничего особенного из себя и не представляет...

Маркиза, однако, твердила, что доверяет своей интуиции, и ей кажется, что молодой человек, известный под именем Дьяволенок, – не какая-нибудь заурядная серость. В чем она, собственно, и убедилась только что. Этот коренастый парень с походкой футболиста и проницательным взглядом фило-

софа уж точно не женским бельём на рынке торгует, да и руки выдают в нем белую кость: тонкая кисть, гибкие пальцы, коротко остриженные ногти.

– А может, он карманник? – коротко хохотнул граф. – Карманники, говорят, тщательно ухаживают за своими руками. Всё-таки это их орудие производства. А что касается философии, то когда они мотают срок на зоне, то на два-три года становятся самыми заядлыми читателями тюремной библиотеки...

– У тебя нет таких знакомых, – отрезала Маркиза.

– У меня самый широкий круг общения, – парировал граф.

– Почему ты нас не познакомил? – вернулась к волновавшей её теме Маркиза.

– Если бы Евгений хотел, то сам бы с тобой познакомился, – простодушно ответил граф. – Он достаточно самостоятельный парень, и обходится без посредников...

В общем, получилось так, что Маркиза официально не была представлена Дьяволенку и, следовательно, формально они оставались незнакомыми. А теперь вот некий господин Инкогнито с очаровательной улыбкой лукаво спрашивает её о перышке птички Обломинго.

– Инкогнито, кто ты? – Маркиза почувствовала, что задала вопрос слишком прямо и, смутившись, кокетливо потупила глазки. – Прежде я тебя тут не видела...

– Может быть, видела, а может быть, и нет, – уклонился

от ответа Инкогнито. – Какое это вообще имеет значение? Надеюсь, что ты приходишь сюда, чтобы общаться...

– Гы-гы-гы! Она приходит сюда, чтоб женихов ловить! – громко расхохотался Синьор Помидор.

Синьор Помидор всегда был нарочито груб. Когда он впервые появился в этой комнате, то сразу же сказал какую-то пошлость, и некоторые утонченные натуры решили, что под его маской скрывается никто иной, как сам поручик Ржевский. Дух казарменной шутки не всем пришелся по вкусу, но к манере общения Синьора Помидора скоро привыкли и уже не обращали внимания на его прямолинейность и простоту суждений.

– Нет, я прихожу сюда, чтобы ставить капканы, – рассмеялась Маркиза и, обмахнувшись веером, подмигнула Синьору Помидору:

– Но капканов на всех подряд у меня не хватит. Угадай с трех раз, на кого именно я их расставляю?

– А тут и гадать нечего, – гыгыкнул Синьор Помидор. – Ты Дьяволенка хочешь изловить. Это всем известно!

– М-да, простота хуже воровства, – задумчиво изрекла Маркиза и раздраженно стукнула веером по столу. – Ну, попадись ты мне в руки – сразу на салат пушу!

– А я, может, переспелый. Брызну соком – не отмоешься! Гы-гы-гы!

– Маркиза, на всякое пятно найдется свой пятновыводитель, – напомнил о своем существовании Инкогнито. – Если

что, можешь получить консультацию у меня...

– Спасибо, ты так добр, – отозвалась Маркиза. – Рассчитываю на твою помощь...

– А чтоб пятно отмыть, платице придется снять, – заметил Синьор Помидор. – И если Инкогнито настоящий мужчина, то как он устоит перед чарами обнаженной леди? Гы-гы-гы! Будешь, милочка, расплачиваться натурой...

– Тьфу на тебя, несносный помидоришка! – рассердилась Маркиза.

– Синьор, а в альтруизм ты не веришь вообще? – спросил Инкогнито. – Мне нравится всё делать бескорыстно...

Неизвестно, что собирался ответить Помидор, потому что в этот момент в комнату вбежали Ди-Джей и Рюмочкин.

– Аааааааааа! – завопил Рюмочкин. – Маркиза! Хай! Как давно я тебя не видал! Чмок!

– Привет, Маркиза! – не менее восторженно взревел Ди-Джей. – Ты такая скромница. Так и не сказала мне в прошлый раз, сколько тебе лет. Признайся: ты ещё не очень старая? Ну, открой своё личико, а?

– Гюльчатай, открой своё личико... Хм! А также сообщи: какой рост, размер бюста, вес, и все паспортные данные – полностью, – буркнул Инкогнито. – Как будто эти параметры имеют какое-то значение для общения...

– Кхех! Размерчик всегда имел значение, – сказал Синьор Помидор. – И нечего притворяться, будто параметры дамы для тебя без разницы...

– Маркиза! Солнышко! Я соскучился по тебе! – ни на кого не обращая внимания, продолжал Рюмочкин. – Когда ж назначишь ты мне час заветного свиданья?

– После дождичка в четверг, – ответил за Маркизу Синьор Помидор. – Очень нужен ты ей, гы-гы-гы! Она тоскует только по исчадиям ада...

– Ах, у меня закружилась голова, мальчики! – вскрикнула Маркиза. – Не успели войти – и так уж взволновали бедную неопытную девушку, аж голова кругом идет! Ах, как голова кружится... Ах-ах!

– Я падаю у твоих ног, – сообщил Ди-Джей. – Мне восемнадцать лет, и я люблю танцевать. А ты?

– Мля! У ног Маркизы уже образовались завалы из поверженных ею мужчин, – присвистнул Синьор Помидор. – Прямо штабелями лежат! Придется вызывать бульдозер для расчистки пути...

– Как скучно! – вздохнул Инкогнито. – Эти каждодневные завалы уж и леди, верно, утомляют.

– По ней не скажешь, – нахально улыбнулся Синьор Помидор. – Смотри: она вся прямо расцвела!

– Ну что ж, счастливо вам оставаться под сенью девушки в цвету, – Инкогнито бросил быстрый взгляд в сторону Маркизы и направился к выходу. – А я подожду, когда отцветут хризантемы в саду.

– Катись колбаской по Малой Спасской, – пожелал ему Рюмочкин.

– Отцвели уж давно хрузантемы в саду! – сообщил Айс. – Ромашки спрятались, средь лютиков завяли помидоры...

– Инкогнито всё о непонятном любит вумно говорить, – сказал Ди-Джей. – Никакой простоты!

– Всем – пока! – невозмутимо сказал Инкогнито и вышел из комнаты.

– Ах! – всплеснула руками Маркиза. – Засиделась я тут. С вами время бежит незаметно. Оказывается, карету мне подали, и давно. Пора, пора, рога трубят.... Прощайте!

И она, не раздумывая, нажала на кнопку «exit».

2.

Граф Грей, в миру Николай Владимирович Двойников, мужчина ещё не старый – около сорока лет, а может, чуть поболее, по внешнему виду сразу и не определишь: моложавый, загорелый, серые глаза с искоркой, одет в простые бледно-голубые джинсы и хлопчатобумажную футболку, – удовлетворенно хмыкнул:

– Маркиза почти готова к употреблению! Девушка заинтригована, никто ей так не интересен, как Дьяволенок. Она даже из чата вышла вслед за ним, потому что с остальными ей скучно...

Николай Владимирович сидел перед компьютером в полном одиночестве, и со стороны его разговор с самим собой мог показаться странным. Эта нелепая привычка появилась

у него после того, как он купил модем и смог выходить в Интернет. Особенно его забавляли разговоры в чатах. По тому, какой ник-нэйм выбрал себе человек, как строит предложения и что за смайлики использует, Николай Владимирович составлял что-то вроде психологической характеристики. А поскольку сиюминутными наблюдениями поделиться было порой не с кем, то он стал комментировать их вслух. Причем, иногда вел диалог как бы на два голоса: один – «за», другой – «против».

И в этот раз его «против» оспорило вывод насчет Маркизы:

– Не спешите, граф, с заключениями! Маркиза не так проста, как кажется. Она, конечно, выделила Дьяволёнка из длинной вереницы чатовских кавалеров, но это, возможно, элементарное женское любопытство: что он представляет из себя в реале? Только и всего!

– Но как раз любопытство заводит прекрасных дам в лабиринты чувств и бросает в пучины страсти, – возразил Николай Владимирович. – Некоторым из них и жизнь не в жизнь, если они, как Пандора, не откроют таинственный ларчик, и ведь знают, что нельзя, но соблазн выше их...

– Добавьте, граф, к своей сентенции ещё и такую банальность: все бабочки летят на открытый огонь – и погибают в нём, бедняжки, – усмехнулось «против».

– И тем не менее, это так! Маркиза стремглав помчится в наш «Подвальчик», стоит её лишь пальчиком поманить...

«Против», однако, молчало.

– Алё! – сказал Николай Владимирович. – Ну, что молчишь? Возразить нечего?

– Слова неохота попусту тратить. Одно лишь скажу: твоя самоуверенность тебя погубит...

– Неужели? – рассмеялся Николай Владимирович. – А я-то считал себя сомневающимся и, так сказать, мятущимся интеллигентом...

– Как же! Мятущийся интеллигент запутывается в сетях Всемирной паутины и охмуряет молоденьких девочек, – саркастически рассмеялось «против». – Короче: седина в бороде, а бес – в ребро...

– Ты прекрасно знаешь, что все эти девочки и мальчики нужны мне совсем по другой причине...

«Против» ничего не ответило, и Николай Владимирович, несколько раздосадованный его репликами, уже собрался было закрыть окно чата, но тут, мягко ступая лапками, в его главную комнату вошла Кисуля.

– Мяу! – восторженно заорал Синьор Помидор. – Кис-кис! Приветик!

– Хай, Кисуля! – приветствовал её Ди-Джей. – Ты по-прежнему кошка, которая гуляет сама по себе?

– Хотел бы я поглядеть, как это выглядит в натуре: кошка, которая по самой себе гуляет, – попытался оригинальничать Айс. – Надо полагать, всем глюкам глюк!

– Кисуля! Давай познакомимся, – подмигнул Мистер

20 см. Он объявился в чате недавно, и его ник поначалу шокировал некоторых утонченных особ. Но парень вел себя, в общем-то, скромно и вскоре к нему привыкли.

– Здравствуйте, мальчики! – бодро отозвалась на приветствия Кисуля. – Не скучали тут без меня?

– Ещё как скучали! – сказал Мистер 20 см. – Когда же, когда мы с тобой в реале познакомимся?

– Никогда! – отрезала Кисуля. – Я люблю в мужчине тайну, а ты – весь нараспашку...

– И без трусов! – хихикнул Айс.

– Напиши мне на личку свой телефончик, – упорствовал Мистер 20 см. – Ну, пожалуйста, Кисуля!

– Я свои телефоны кому попало не раздаю, – фыркнула Кисуля. – Вот ещё!

– Она сексом по телефону не занимается, – ослабился Ди-Джей. – Кисуля – почти тургеневская барышня, она всё о возвышенном мечтает...

Николай Владимирович с любопытством наблюдал за разговором, ничем себя не выказывая. Ему нравилась одна особенность этого чата: в любой из его комнат можно было мониторить, сколько захочешь, оставаясь для всех невидимым. Постоянные посетители знали об этом и потому старались не говорить об отсутствующих: вдруг отсутствующий – незримый присутствующий? «Эдакий джинн, бесплотный дух, – усмехнулся Николай Владимирович. – Или Иванушка-дурак, надевший шапку-невидимку? Он видит всех, его –

никто... А что? В этом есть некая тайная прелесть. И преимущество...»

– Ага! О возвышенном она мечтает, как же! – засмеялся Айс. – А кто, интересно, в «Подвальчик» Дьяволенка и графа Грея просится?

– Ну, уж не за тем, за чем ты думаешь, – огрызнулась Кисуля и выпустила коготки. – Мне с ними общаться нравится. Они не такие, как некоторые из вас!

– Неужели ещё особеннее, чем я? – изумился Мистер 20 см. – И так же горят огнем...

– ...желания познания, – быстро вставила фразу Кисуля. – Бе-бе-бе, сексозавр несносный!

– Гы-гы-гы! – захохотал Ди-Джей. – Ловко ты его отшила!

Николай Владимирович добродушно наблюдал за возникшей перепалкой. Тот «Подвальчик», о котором шла речь, предложил соорудить Дьяволенок.

Они нашли в центре города дом, как раз напротив популярного и самого лучшего кинотеатра «Великан». Двухэтажное, дореволюционной постройки кирпичное строение когда-то, наверное, было даже красивым: его украшала изящная лепнина, козырек парадного входа держали две кариатиды, на крыше стояла изящная башенка, напоминавшая беседку, да, впрочем, так оно и было: жильцы высаживали там цветы, лелеяли и холили плющ, росший в вазоне, – и, должно быть, в летний зной какая-нибудь романтично-восторженная курсистка любила посидеть тут с томиком Арцибашева,

Леонида Андреева или какого другого модного тогда беллетриста.

Теперь от башенки-беседки остался лишь остов, который забили горбылем, а последующие поколения отбили у кариатид прелестные головки. Да и парадный вход теперь напоминал проём сарая: разбитые мраморные ступеньки заменили железобетонными, вместо резной дубовой двери навесили древесностружечную плиту с какой-то железякой вместо ручки, державшейся на двух гвоздях – вскоре она отвалилась, а в самой плите внизу зазял пролом – от постоянных пинков. Но этому обстоятельству, впрочем, радовались владельцы собак: их питомцы теперь бегали туда-сюда совершенно беспрепятственно.

И вот в подвале этого дома, пропахшем кошками, мышами и канализационными стоками, в серых лохмотьях паутины, вонючей грязи и клочках копившейся десятилетиями пыли, Дьяволенок решил соорудить «Подвальчик» – местечко для улады души, сердца и тела. Так он, по крайней мере, объявил в чате, пригласив в компаньоны графа Грея.

Предполагалось, что это будет что-то вроде закрытого клуба для избранных. Впрочем, в здешний бар мог войти любой желающий, имеющий достаточно средств, чтобы расплатиться за кофе с настоящим ямайским ромом или за бокал жидкого солнца со славного острова Мадейры или шипучий нектар из прославленной Шампани, но, впрочем, были тут и вина попроще: «Абрау Рислинг», южнобережный

Токай, крымские мускаты, хванчкара и ляна – на вкус, быть может, не слишком утонченный, но, тем не менее, взыскательный.

На особицу от них стояли настойки, собственноручно приготовленные графом Греем из корней элеутерококка, заманихи, женьшеня, а также листьев, цветов и плодов таежных растений. Они источали невообразимо густой аромат марей и перелесков, светлых полян и угрюмых урочищ, веселых полей с голубыми васильками и деревенских околиц, заросших чередой и одуванчиками. Кажется, дух самого лета был заточен в каждую бутылочку, запечатанную красным сургучом, и стоило его скovyрнуть, вытащить плотную пробку – и светлая, радостная волна июльского полдня победным фейерверком взвивалась под самый потолок, захватывала, как взбунтовавшаяся мятежная толпа, всё пространство вокруг. И даже прохладный коричневый пластик столиков вдруг нагревался, как корочка свежеиспеченного хлеба, и от него поднималось легкое тепло и согревало руки. А за цветными витражами окон в это время падали с деревьев желтые, фиолетовые, красные листья, или посвистывала озорная шалунья-вьюга, или зловредный старикашка Мороз, хихикая, пощипывал прохожих за уши и носы...

Внутри бара была дверь, скрытая занавеской из пестрых ракушек: они висели на длинных ниточках, нанизанные на подобие перцев или грибов для просушки, – и стоило их задеть, даже совсем тихонечко, как слышалось осторожное по-

скрипывание белоснежного песка под ногами, легкое движение ласковой волны, вкрадчивое рокотание теплого ветерка, запутавшегося в листьях душистых акаций. Но эту занавеску могли отдернуть лишь посвященные, ибо вход обычным посетителям преграждал швейцар.

Кто попадал сюда впервые, обычно принимал его за настоящего: внушительного вида дядечка неопределенного возраста, скорее всего, отставной майор гражданской обороны – плотный, розовощекий, с ржаными усами, привыкший к разливному пиву и вяленой корюшке, он был одет в мундир с блестящими позументами, и глядел на всех блестящими голубыми глазами, изредка подмигивая хорошеньким посетительницам. Однако это была всего-навсего кукла, правда, с хитроумным устройством, скрытым неизвестно где: посвященные предъявляли особую карточку, глаза швейцара загорались странным желтым светом, сканируя её, и он отдавал честь, пропуская посетителя за ракушечную занавеску. В противном случае его рука срабатывала, как турникет в метро, преграждая путь в недра «Подвальчика».

Кисуля такой карточки не имела, но, однако, ей разрешалось посидеть на подоконнике одной из комнат, расположенных за семью печатями.

Это был небольшой кабинет, стены которого украшали лишь стеллажи с пыльными фолиантами в одинаковых черных переплетах. В углу слабо горел камин, в нем потрескивали березовые поленья, а перед ним на темно-красном ков-

ре, испещренном неведомыми письменами, напоминавшими арабскую вязь, стояли два деревянных кресла с высокими спинками. Они, видимо, были старинными, а может быть, – всего лишь стилизация под знаменитое седалище веселого и грустного вольнодумца Вольтера.

Именно здесь Дьяволенок любил беседовать с каким-нибудь посетителем «Подвальчика», и перед ними на низком столике из темного дерева, инкрустированного серебром и перламутром, ставили две чашки кофе, сваренного по-турецки, и непременно – два высоких стакана с минеральной водой, в которой искрились кусочки льда.

Кисуля, особо не вслушиваясь в неспешный разговор хозяина и гостя, сладко мурлыкала, то сворачивалась калачиком, то, выгибая спинку, лениво потягивалась и снова разваливалась на подоконнике, истомленная негой и бездельем. Она любила глядеть на блики и отсветы каминного цветения угольков, покрытых серым бархатом пепла. Ей мерещились дальние страны, белоснежные города, оазисы на горизонте, караваны верблюдов, арабские шейхи, среди которых был один – высокий, тонкий, как тростинка, с веселым и дерзким взглядом рысых глаз...

– Кисуля, ну и как там, в «Подвальчике»? – прищурившись, спросил Синьор Помидор. – Тебя уже допустили в другие комнаты?

– Ага! Счас! Так и разболтала тебе все секреты! – Кисуля выпустила остренькие коготки. – Не трогай меня! Иначе

расцарапаю!

– Чего такая сердитая? – рассмеялся Ди-Джей. – Говорят, что ты любишь сидеть на коленках у Дьяволенка, но ничего, кроме мурлыканья, он от тебя дожидаться не может...

– Кисуля пристраивается к коленкам Дьяволенка просто так? – удивился Мистер 20 см. – И ничего не делает?

– А что я должна делать?

– Ну, хотя бы лапками его помять, – посоветовал Мистер 20 см, нагло улыбаясь. – Чего ты такая нерешительная?

– Уж тебе я бы запустила все когти, какие у меня есть, – пообещала Кисуля и, вспомнив, что она вообще-то девушка скромная, немедленно покраснела и добавила:

– Только чести для тебя многовато!

– Гы-гы-гы! Это у него для тебя многовато! – загоготал Синьор Помидор. – Скромница ты наша!

Николай Владимирович не сомневался в скромности Кисули. Ему нравилась эта девушка, которая, зная о заманчивой и восхитительной прелести разных соблазнов жизни, все-таки предпочитала оставаться неискушенной. Иногда даже казалось, что для неё ничего не было важнее учебы в экономическом институте, где она постигала премудрости банковского дела. Однако она втайне мечтала о своем прекрасном принце, который однажды ворвется в её жизнь если не на белом коне, то хотя бы на белой «Тоёте». Недостатка во внимании сверстников и мужчин постарше у неё не было, но Кисуля старалась держать их на расстоянии, не допуская

каких-либо вольностей, и ничего особенного им не обещала.

Николай Владимирович решил разрядить обстановку в чате, но входить туда под именем графа Грея не захотел. Некоторые из присутствующих почему-то думали, что у него с Кисулей особенные отношения.

Чуть помедлив, он усмехнулся и набрал на клавиатуре тот ник, который использовал нечасто: Лао Цзы.

– Привет, китаец! – немедленно отозвался на его появление Синьор Помидор. – Ты кто?

– О, таких особ надо знать в лицо! – заметил Ди-Джей. – Это древний китайский философ...

– Кисуля, привет! – не обращая внимания на реплики присутствующих, сказал Лао Цзы. – Скажу тебе: кто действует – потерпит неудачу. Кто чем-либо владеет – потеряет. Те, кто совершая дела, спешат достигнуть успеха, потерпят неудачу.

– Привет, Лао! – отозвалась Кисуля. – Не спрашиваю тебя, кто ты есть на самом деле. Это не имеет значения. Значение имеет лишь твоя мудрость.

– Да он тебе втемяшивает какую-то тарабарщину! – возмутился Синьор Помидор. – К чему вся эта его мудрость? Мозги девчонке лишь канифолит!

– Мои слова легко понять и легко осуществить, – терпеливо продолжал Лао Цзы. – Но не все могут их понять и осуществить. В словах имеется начало, в делах есть главное. Поскольку люди их не знают, то они не знают и меня. Когда ме-

ня мало знают, тогда я дорог. Поэтому мудрый подобен тому, кто одевается в грубые ткани, а при себе держит яшму...

– Дурдом какой-то! – фыркнула неизвестно откуда взявшаяся Дарлинг. – Что ты хочешь этим сказать, Лао? Кстати, приветик!

– Кто, имея знания, делает вид, что не знает, тот выше всех, – изрек Лао Цзы. – Кисуля наверняка догадалась, что этим самым я хотел сказать... Кстати, привет тебе, Дарлинг!

– Таинственный Лао, ты появляешься всегда внезапно и так же внезапно исчезаешь, – вздохнула Дарлинг. – Такое поведение – тоже часть твоей философии?

– Ну, пошла писать губерния! – рассердился Синьор Помидор. – Открыли тут коллоквиум по философии! Куда б от неё в институте деваться?

– Лао, я не спешу, – отозвалась Кисуля. – Из любопытства я нашла и прочитала «Дао дэ Цзин». Мало что поняла вообще-то, – она смущенно хмыкнула. – Может быть, потому что нет времени внимательно и медленно вникать в смысл текста?

– И, тем не менее, дражайшая Кисуля, ты, наверно, поняла, что тот, кто свободен от страстей, видит чудесную тайну дао, а кто охвачен страстями, получает его только в конечной форме, – изрек Лао Цзы. – И, следовательно, суть вещей и явлений в этом случае остается скрытой...

– Как мы мудры! – язвительно скривился Мистер 20 см. – И как любим напускать густого тумана, чтобы вообще

скрыть всякий смысл!

– Ты не прав, Мистер! – воскликнула Кисуля. – Хочешь, я тебе процитирую одно место из трактата «Дао дэ Цзин»? Слушай: «Когда все в Поднебесной узнают, что прекрасное является прекрасным, появляется и безобразное. Когда все узнают, что доброе является добром, то возникает и зло»...

– Можно подумать, что до добра зла не было и наоборот, – буркнул Мистер 20 см. – И вообще, о чём ты думаешь, девочка? В твоём возрасте совсем не об этом полагается думать и мечтать...

Лао Цзы молчал, с любопытством наблюдая за развитием событий. Он не сомневался, что Кисуля достойно ответит этому типчику. И ещё ему хотелось, чтобы она сказала те самые слова, после которых он вправе предложить ей поучаствовать в своих опытах.

То, чем занимался Николай Владимирович, было покрыто туманным флером тайны. На все вопросы о месте работы и роде занятий он обычно отвечал весьма уклончиво, отделиваясь замечанием: «У меня подписка о неразглашении, – и добавлял: Если интересно, то конкретно: изучаю сверхвысокочастотные излучения».

И это было отчасти правдой. Он действительно занимался этими излучениями, природа которых вдруг открылась ему с неожиданной стороны. В них скрывалось такое могущество и такое коварство, которые переворачивали традиционные представления о мироустройстве. Впрочем, еще древние

мудрецы о всем этом что-то такое знали, и тот же Лао Цзы превыше всего ценил энергию ци – основу основ подлунного мира. Но Николай Владимирович предпочитал не распространяться о своем знании.

Относясь по гороскопу к Рыбам, он отличался скрытностью характера, обожал всякие тайны и, даже если их не было в его жизни, умел сочинить их и старательно поддерживал имидж человека несколько полумистического, далекого от реальных и низменных проблем: он парил в ослепительно головокружительных высях, плавал в мерцающих глубинах подсознания, степенно беседовал с древними философами и, даже ничего не понимая в теософии госпожи Блаватской или фантазмагориях «Розы Мира» Даниила Андреева, напускал на себя глубокомысленный вид и лукаво улыбался, пряча растерянность в своих франтоватых усах, при одном виде которых почему-то вспоминался поручик Ржевский.

– Дорогой Мистер, я не знаю, как доходчиво объяснить тебе, что бытие и небытие порождают друг друга, а высокое и низкое взаимно связаны, и как доказать очевидное: звуки, сливаясь, приходят в гармонию, а предыдущее не бывает без последующего, – внушала Кисуля своему собеседнику основы даосизма. – Это так просто. И это так сложно!

– Но что за толк в твоих умствованиях? – взвился Мистер 20 см. – Я, например, не задумывался и не хочу задумываться над этим. Я просто знаю, что мне приятно, а что неприятно, чего хочу, а чего мне ни за какие деньги не надо...

– Ну, хорошо, – улыбнулась Кисуля. – Чего ты больше всего не хочешь?

– Ты это серьезно спрашиваешь? – растерялся Мистер 20 см. – Ну, много чего не хочу: не желаю попасть в тюрьму, быть нищим, импотентом...

– И всё-таки, больше всего чего ты не хочешь? – упорствовала Кисуля.

– Больше всего? – задумался Мистер 20 см. – Не знаю. Наверное, женщиной. Да! Я не хотел бы изменить свой пол.

– Но почему? – Кисуля простодушно рассмеялась. – Разве тебе не интересно почувствовать то, что чувствует женщина? Это знание дало бы тебе очень многое...

– Нет, это против моих понятий! – резко отрубил Мистер 20 см. – Да и ты навряд ли согласишься бы стать мужчиной!

– Ну, почему же? – Кисуля лукаво передернула плечами. – Я не против этого. Мне было бы интересно. Но где найти такого волшебника, который на время поместит меня в чужое тело?

И тут Лао Цзы, жестко прищулив свои вдруг заблестевшие глаза, спросил её:

– А ты действительно не станешь жалеть о том, что познаешь свою противоположность?

– О, мудрый Лао! – воскликнула Кисуля. – Откуда ж мне знать, буду я жалеть о том или не буду. Разве можно заранее предвидеть результат? Жизнь была бы скучна, если б нам всё было наперёд известно...

- А хочешь, я тебе помогу переместиться в мужское тело?
- Хоть сейчас! – храбро откликнулась Кисуля.
- Нет, сейчас не получится, – сказал Лао Цзы. – Если ты согласна, то поставим этот опыт завтра.

Кисуля считала, что Лао Цзы хочет заняться своими манипуляциями в виртуале, где даже самое невозможное становится возможным, и всякое превращение легко осуществимо при наличии хоть капельки фантазии. Ей хотелось заняться этим немедленно, но Лао Цзы был непреклонен:

- Завтра! Жду тебя в шесть часов вечера...

Он вышел из виртуальной комнаты, но по своему обыкновению ещё некоторое время наблюдал за оставшимися в ней персонажами. Вот Мистер 20 см флиртует с появившейся в чате Красной Шапочкой, а Серый Волк увлекся беседой с Ди-Джеем о музыке, и грустит о чем-то Кисуля, не замечая реплик Синьора Помидора, и вздыхает о несданных зачетах лоботряс Айс.

– А ты чего хочешь больше всего на свете? – спросила Кисуля Айса.

- Хочу скорее получить диплом, – откликнулся тот.

– Да получишь ты его когда-нибудь! Я спрашиваю о том, что сбывается в жизни нечасто, – сказала Кисуля.

– Знаешь, больше всего на свете я хочу поваляться в густой зеленой траве, и чтобы в ней были синие колокольчики, душистая кашка, и крепко пахло таволгой, – ответил Айс. – И чтобы эта трава была не за городом, а где-нибудь рядом

с моим домом, среди этих серых многоэтажек, и чтоб ни одна собака не смела валить на неё свои какашки... Но вокруг, увы, одни газоны. И если по ним пойдешь, то будешь чувствовать себя как на минном поле из-за кучек псинаго дерьма...

– А ты закрой глаза и вообрази, что упал лицом в росную, свежую траву, и легкий ветерок, пропахший пылью одуванчиков, погладил тебя по голове, – посоветовала Кисуля. – И большая нарядная бабочка, лениво помахивая крылышками, храбро присела на твое плечо...

– Оп-ля! Я тут! – сказала бабочка Флай. – Здравсти! Чего вспоминали меня? Я вся разикалась...

Бабочка Флай отличалась веселым нравом и была невероятно любопытной. Она, видимо, работала в какой-то компьютерной фирме, имеющей круглосуточный выход в Интернет. По крайней мере, Флай могла мониторить за чатом, сидеть в нем часами, болтая о том-о сем, а в общем ни о чем. Она, конечно, не удержалась и спросила Кисулю:

– А чего это ты вдруг захотела мужчиной стать?

– Чтоб ты спросила! – отрезала Кисуля. Она недолюбливала Флай, а почему – и сама не знала. Может быть, потому что большеглазая хорошенькая Флай, миниатюрная, как гейша из Киото, не прикладывая никаких особенных усилий, возбуждала интерес мужчин, что Кисуле не всегда давалось просто.

– А ты не боишься Лао Цзы? – не унималась Флай. – Вдруг

он заманит тебя в какую-нибудь ловушку и продаст в Китай? Будешь там секс-рабыней...

Кисуля презрительно фыркнула и, возмущенно подергивая пушистым хвостиком, выпрыгнула из окна комнаты на улицу.

Проводив её долгим взглядом, Николай Владимирович собрался было переключиться на Microsoft Word: он с самого утра писал статью, которая никак не получалась. Но тут в чат вошел Покойник.

3.

Дьяволенок в этот день тоже водил перышком по бумаге. Черный «Паркер», подаренный коллегами, легко скользил по белому листу, оставляя за собой вереницы стремительных слов с наклоном вправо. Его письмо напоминало текст старательного каллиграфа: каждая буква выписана четко, с положенными нажимами, и расстояния между словами, казалось, были выверены до сотой доли миллиметра. Но рука Дьяволенка порой вздрагивала и чуть-чуть сбивала весь строй. Он досадливо морщился и, секунду-другую помедлив, продолжал писать:

«...В терминале международного аэропорта было душно и многолюдно. В железобетонной коробке, отделанной пластиком, алюминием и застекленной новомодным тонированным стеклом, надсадно гудели кондиционеры, явно не рассчитанные на почти тропическую влажность и сорокоградус-

ную жару славного города Ха. Узел галстука сдавливал мне шею, рубашка липла к мокрой спине, и я то и дело промакивал испарину лба носовым платком, с ужасом думая, что вот-вот Она увидит перед собой мокрую курицу вместо орла, каким я, наверно, рисовался в её воображении. И от этой мысли потел ещё больше.

Её самолет уже совершил посадку. Об этом жизнерадостно сообщила аэропортовская дикторша сразу на трех языках – русском, английском и китайском. Оставалось только ждать. Ждать, пока мои друзья договорятся с пограничниками и таможенниками. Её самолет летел по маршруту Сан-Франциско – Владивосток, и у этого рейса была промежуточная посадка в Ха.

Транзитных пассажиров оставляли в так называемом «накопителе», и они пребывали там, пока не объявляли посадку на рейс. Выйти за пределы этого зала ожидания означало нарушение государственной границы. И войти к ним – тоже нарушение. Но у моих друзей в терминале были какие-то свои «ходы», и они пообещали договориться с кем надо, чтобы я всё-таки Её увидел. Вот уж поистине: не имей сто рублей – имей сто друзей. Правда, эти друзья нынче как раз любят те самые сто рублей. Но в деньгах ли дело, когда чего-то очень-очень хочешь и всё готов отдать, лишь бы это случилось?

Пока мои друзья были Гдетотам и говорили с Коекем, я выкурил не одну сигарету, и от меня, наверное, несло табаком за версту, а от ментолового «Минтона», который жевал,

уже начало поташнивать. Или это было следствие моего волнения?

А ещё я размышлял над вопросом: узнаем ли мы друг друга? Я видел Её лишь на фотографиях, и она меня тоже. И, тем не менее, мы знали друг друга так, будто рука об руку прошли по жизни тысячу лет, и за нами оставались внушительные сопки вместе съеденной соли...

Не знаю, какой ангел (а может, бес?) вывел меня на тот американский чат. Впрочем, знаю: этого беса зовут Георгий Георгиевич, он учил меня деловому английскому языку, и, узнав о моей страсти к компьютерам, Интернету и всякому такому, однажды спросил: "Ну и как? Находите с американцами общий язык? Не правда ли, они говорят на испорченном английском? Что с них взять, одно слово: янки! Ах, вы еще не пробовали общаться в их чатах? Напрасно! Это хорошая языковая практика, мой юный друг..."»

Георгию Георгиевичу уже было далеко за семьдесят. Его отец был белоэмигрантом, и мальчик Гоша родился в Харбине, где выучил и китайский, и японский, и английский. После Великой отечественной войны он, как и тысячи других русских харбинцев, вернулся в СССР, но в отличие от них не сидел ни в тюрьмах, ни в лагерях, ни жил на спецпоселениях. Тут была какая-то тайна. Злые языки утверждали, что Георгий Георгиевич служил в «органах», которым требовались толковые переводчики.

И вот этот человек невольно втолкнул меня в тот амери-

канский чат. Общаясь там с разными персонажами, я вскоре выделил Её: она была мила, очаровательна, умна и, к тому же, говорила почти на правильном английском, свободном от американских диалектов. Это меня удивляло. Однажды, забывшись, я написал какую-то фразу на русском языке. И – о, чудо! – Она мне тоже ответила по-русски. Оказывается, Она была москвичкой, вышла замуж за некоего удачливого бизнесмена, кстати, тоже русского, и вот уже третий год живет в Сан-Франциско.

У нас было столько часов, проведенных возле компьютера вместе: Она – там, в прекрасном и веселом Сан-Франциско, я – тут, в Ха, стоящем на берегу Амура на трех холмах. И порошил мелкий снег, и под ноги порывисто кидался озорной ветер, и громыхал ледоход, и внезапно у кромки асфальта появлялись желтые монетки первых одуванчиков, и бушевала тополиная метель, и прохладные капельки дождя скатывались по листьям мальвы – время шло, но это нас как будто не касалось: мы разговаривали, смеялись, тосковали и радовались. Бессонные ночи, телефонные звонки, письма по электронной почте... Постепенно мы научились чувствовать друг друга, и наша жизнь становилась пустой и скучной, если хотя бы пару дней мы не виделись в чате, или в привате не было какой-нибудь милой и смешной записочки, фразы, просто смайлика. И вот теперь – встреча. Первая встреча. И, может быть, последняя. Она летела не ко мне, она летела к мужу – к тому, кто был её законным супругом и от-

цом её сына. Ни без того, ни без другого она не могла жить. Но она уже не могла жить и без меня. Или это я без неё не мог жить?»

Его «Паркер» споткнулся на знаке вопроса, и Дьяволенок, отложив ручку в сторону, пододвинул пепельницу поближе, и закурил свой любимый суперлегкий «Винстон». Несколько месяцев назад он предпринял очередную попытку бросить курить, но из этой затеи ничего не получилось. И тогда Дьяволенок решил перейти на табак с низким содержанием никотина. Поначалу вместо одной пачки сигарет он высаживал целых две, но постепенно пришел к своей обычной норме.

Он задумчиво пускал дым кольцами и следил, как они легко выскальзывают в форточку. С кухни его позвала мать:

– Женя, обед готов! Будешь сейчас есть?

– Нет, ма, – быстро откликнулся он. – Я занят. Через полчаса.

– Борщ остынет, – сказала мать. – Придется его разогреть, а это не так вкусно...

– Нет, попозже...

– И чем это таким важным ты занят, что нельзя прерваться?

– Да уж, – хмыкнул он. – Занят!

Мать больше не звала его. Он давно уже приучил её не отрываться от работы. Если занят – значит, занят, и точка.

«А чем, собственно, таким важным я сейчас занимаюсь? – спросил он самого себя. – И зачем пишу вот эти... мемуары?»

Хм! И вправду: мемуары! Зачем?»

Он надеялся, что история, которой он жил почти два года, перенесенная на лист бумаги, заживет как бы отдельной жизнью. И это отчуждение поможет ему лучше понять самого себя. Вот эти ровные строки предложений – не просто текст, это ещё и анализ того, что было. И Дьяволенок рассчитывал, что события того душного июльского дня, разложенные по полочкам, наконец-то перестанут его мучить.

Дьяволенок хорошо помнил, что, ожидая знака от друзей, почему-то думал не о Ней, а о том, что мужчины бывают поразительно странными: в них каким-то образом сочетается цинизм, жестокость, жуткое ерничество и вечный, неисправимый романтизм. Впрочем, может быть, пошлость и скабрёзность – это что-то вроде маски, прикрывающей жажду чувств и настоящей страсти?

Друзья подали ему знак: всё, мол, решено. И к нему быстро, ни на кого не глядя, подкатил субъект, похожий на переносной газовый баллон. Он пригладил щетинку волос на маленькой карасиной голове и тихо, одними губами сказал: «У тебя не больше пяти минут. Иди!»

И Дьяволенок пошел.

Он сразу выхватил её взглядом из пестрой шумной толпы. Их глаза встретились. Она тоже узнала его, и посветлела лицом, и расцвела улыбкой, и, не обращая ни на кого внимания, полетела к нему через все эти чемоданы, сумки, какие-то тюки, кресла, столики, урны. Он бросился к ней,

с удивлением заметив, что не чувствует под собой ног – будто бы летит, и радость переполняет всё его существо.

Она обняла его и, чуть смутившись, опустила глаза. А он подхватил её и закружил. И все люди, наверное, подумали, что двое влюбленных встретились после долгой разлуки.

Они никого не видели и ничего не слышали. Беззвучно взлетали самолеты, люди открывали и закрывали рты, и, кажется, что-то объявляла дикторша, но голоса и все звуки не касались их слуха, будто эти двое вдруг оказались под темной и глубокой водой. Он чувствовал Её горячую кожу и биение каждой жилки на тонких запястьях, и вдыхал пряный, с привкусом корицы, запах Её волос, и сладки были её мягкие губы. Он снова и снова касался Её губ, и она, смеясь, отвечала. Все это напоминало кадры какого-то полузабытого фильма о любви, но тогда он об этом не думал.

«Мы целовались не так, как все. Не губами, а исходящим от них горячим, терпким воздухом, будто два ветерка встретились и пересеклись, блуждая по лицам, губам, щекам, влажным то ли от слез, то ли от волнения, то ли от этой тропической жары. Она что-то пыталась рассказать мне о своей поездке, о каких-то своих делах, о двух своих мужчинах – большом и маленьком, ждущих её в другом городе, но я не слышал слов – я наслаждался Её голосом, этим тихим, бархатно-грудным голосом.

Все тот же газовый баллон подошел к нам и засопел: «Парень, ну ты чё? Сказано же: пять минут! Время кончи-

лось...»

Мы смотрели друг другу в глаза, и вдруг в Её зрачках мелькнуло сожаление, и Она прикрыла ресницы.

– Что? – спросил я. – Что случилось?

– Пообещай мне, что никогда не расскажешь об этом никому, – попросила Она.

– Обещаю, – ответил я.

Я еще не знал, как это трудно: никому и никогда не рассказывать о том счастье, которое испытал. Но тогда я ответил:

– Всё, что происходит с нами двоими, касается только нас двоих.

И она легко кивнула, и улыбнулась, и, оглядываясь, пошла к выходу, и в её руках шуршал букет желтых роз. Её любимых желтых роз.

А потом я сел в старенькую, выдавшую виды «Ладу», и друг мой Колька, чертыхаясь, завел мотор, и мы поехали домой.

– Все нормально? – спросил второй мой друг Андрей.

– Я ни о чем не жалею...

– И даже о том, что Она не осталась тут?

– Так надо, – ответил я. – Ничего не поделаешь...

И в голове вдруг возникла эта легкая, светлая, радостная и грустная песенка великой Пиаф: «Я ни о чем не жалею...»
Ни о чем!

До сих пор не жалею ни о чем.

Я полез в карман брюк за сигаретами и вдруг наткнулся на фотоаппарат, висевший на поясе.

— О, дьявол! — воскликнул я. — Забыл! Забыл сфотографироваться...

— Не переживай, — сказал Колька. — Раз не сфотался — значит, ещё встретитесь. Примета такая есть!

Нет таких примет! Тоже мне, Лука-утешитель нашелся...

— Чую: придется нам еще раз договариваться о нарушении госграницы в аэропорту города Ха, — широко улыбнулся Андрей.

— Эй, предсказатель Лука! — воскликнул я. — Ты бы лучше за дорогой следил, а то мы уже точно никогда ни с кем не встретимся на этом свете. О, дьявол!

«Ладу» тряхнуло на какой-то колдобине, и все мы, дружно подскочив, ударились головами о крышу, и громко рассмеялись. Друг Колька, потирая затылок, изрек:

— Что ты всё дьявола поминаешь? Чуть что — дьявол да дьявол! А он тут как тут...

В динамике потрескивал голос Клауса Мейне:

— Don't you believe, that one thing is true,
I'm not the best, but the best for you...

А наутро в моем электронном почтовом ящике уже лежало письмо от неё. Каждую его строчку помню до сих пор:

«Я всё время думаю о тебе и нашей встрече. И корю себя: «Надо было сделать так-то... сказать то-то... посмотреть эдак...»

После того, как мы расстались, я даже думать ничего не могла. В голове – туман. Перед глазами – пелена. Я шла на ощупь, и чуть не упала. И знаешь что? Я ведь даже глаз твоих не помню – не посмотрела. Боялась? Не знаю.

Осталось ощущение полета. Общего полета. И кружилась голова...

Когда меня встретил в аэропорту муж, через час после тебя, – чуть с ума не сошла. У меня теперь в голове большой бардак (извини за грубое слово, но другого не подберу). Мне кажется – только ты не смейся! – что я изменила ему с тобой. Или наоборот: я изменяю тебе с ним? Он очень соскучился по мне. Тут, во Владивостоке, у него живет мать – ты знаешь об этом, я тебе говорила. Он потому и фирму захотел тут открыть, чтобы чаще у нее бывать. И сынуля тоже по мне соскучился. Ах, я не о том пишу!

Очень хочу увидеть тебя ещё раз. Я больше не буду говорить всякие глупости, которые ты слышал в аэропорту от меня. Но, наверно, ты понял: это защита от шока, который испытала. Соединение мечты и реальности, оказывается, всегда непросто. Люблю тебя...»

И подпись. Её подпись.

Он никому никогда не рассказывал эту историю своей любви в виртуале, вышедшей в скучный и веселый, яростный и тихий, ужасный и прекрасный, вечно меняющийся мир живых мужчин и женщин, настоящих чувств и поступков.

The Ring of Illusion?

После этой поездки в аэропорт друзья стали в шутку называть его Дьяволёнком.

Евгений и вправду проявил поистине дьявольскую изобретательность, чтобы увидаться с Нею. Ни у него, ни у Андрея с Николаем, его самых близких друзей, никаких знакомых на пограничном пункте в международном аэропорту не было, но Евгений справедливо решил, что у всех троих есть приятели, сослуживцы, соседи, а те, в свою очередь, тоже не в вакууме живут: тот, кто ищет, всегда найдет.

И такой человек нашелся. В образе Маришки, бывшей подруги Андрея. Они не встречались полгода, а может, и больше, Андрей не считал, но одно он знал твердо: никакой ля мур с ней у него больше не будет. Ну, зачем ему такая девушка, которая, стоит только оставить её одну, тут же начинает стрелять по сторонам глазками? И был-то он в командировке всего шесть дней, а приехал и узнал: Маришка, не стесняясь, ходила с бывшим своим одноклассником Володей, первой своей любовью, на дискотеки и пляж, ездила на шашлыки. «Ой, какой ты дурной! – сказала она Андрею. – Володю из армии на побывку отпустили. Ну, подумаешь, прошлась я с ним пару раз, и что с того? Неужели ты думаешь, что мы, как друг друга увидели, так сразу и трахаться стали?»

Это слово «трахаться» и та жалкая, какая-то вымученная улыбка, с которой Маришка все это говорила, почему-то совсем отвратили Андрея от неё. И вот выяснилось: у одного

её сослуживца есть приятель, который несет службу на таможне в аэропорту.

Как ни хотел Андрей избежать встречи с ней, а пришлось-таки ему позвонить ей, договориться о randevu и даже сделать вид, что в его, так сказать, мятущейся душе всё ещё живет то чувство, что движет солнце и светила. Маришка решила, что просьба свести его с тем человеком, чей друг служит на таможне, – это как бы предлог для восстановления тех отношений, что у них были, и, не долго думая, устроила всё самым лучшим образом. Таможенник, правда, благотворительностью не занимался, и намекнул, что хотя бы без бутылки хорошего коньяка никак не обойтись. Но Разве ж это непреодолимая проблема?

– А вот что мне теперь с Мариной делать? – спросил Андрей. – Она всё, что было, вспомнила. И захотела продолжения...

– А что, она тебя уже не вдохновляет? – расхохотался Евгений. – Если что, могу виагру тебе купить. Ты мне помог, я – тебе...

– Не лежит у меня к ней душа...

– И не надо, чтоб лежало. Надо, чтоб стояло. Хотя бы разик. А потом скажешь: извини, мол, милая, дьявол попутал и всё такое...

Но Мариша, взволнованная перспективой возвращения любви, решила за неё бороться, и внезапная холодность Андрея её не остановила. Она вдолбила себе в голову, что эти

проклятые нынешние мужчины и сами не знают, чего хотят, и хотя бы одному из них она просто обязана открыть глаза.

И вот когда Андрей стал напоминать человека, измученного постоянной зубной болью на фоне обострившейся язвы желудка, Евгений не выдержал и сказал:

– Назначь ей свиданье. Вместо тебя пойду я...

– Ты с ума сошел!

– Не знаю, о чем ты подумал, – холодно парировал Евгений. – Просто я ей всё объясню...

И объяснил. Не опуская взгляда, твердо и прямо сказал девушке: «Он вас не любит». И рассказал всё, как было на самом деле.

– У вас глаза зеленые, – вдруг ни с того, ни с сего сказала Мариша. – Болотного цвета...

– Ага, – откликнулся он. – Как трясина...

– Утонуть можно!

– Но это вам не грозит, – сказал Евгений и, мило улыбнувшись, встал, чтобы попрощаться.

– Вы дьявол...

– Ну что вы! – рассмеялся он. – Это круто! Скорее, дьяволенок. Маленький такой дьяволенок, который любит игры, шутки и забавы, и если у него получается что-то злое, то это – невольно, поверьте... Прощайте, Мариша!

Евгений в самом деле любил играть. Но ни шахматы, ни преферанс, ни головоломнейшие сканворды, ни пул, никакие другие игры не привлекали его так, как виртуальные раз-

влечения.

Он сражался со зловещими монстрами, овладевал магическими приемами, чтобы мгновенно переноситься во времени и пространстве, укрощал огнедышащих драконов, разил клинком и шпагой всякую нечисть, похищал самых прекрасных принцесс, чтобы бросить их ради какой-нибудь Золушки, перепачканной золой, и надевал на её ножку хрустальную туфельку, отвоеванную у черного мага, – и всё это заставляло биться сердце посильней, чем шеренга знаменитых топ-моделей.

Но стоило ему добиться цели, победить могучего великана или отправить к праотцам целую армию каких-нибудь злобных гоблинов, как его охватывали тоска и скука. Хотелось чего-то ещё большего. Может быть, ему не хватало реальных ощущений от всех этих приключений на мониторе компьютера?

Впервые Евгений почувствовал это, когда играл в Doom. Его воображение до того раскрепостилось, что стало казаться: он на самом деле перенесся в волнующий мир фантастических событий, и, замирая, сдерживал дыхание и даже вытягивал шею, пытаясь заглянуть за какой-нибудь угол, где, возможно, притаился его неприятель. Он начисто забывал, что этот угол нарисован компьютерной программой, а всё происходящее – всего лишь игра, в которой не последнее значение имеет ловкость пальцев, стучащих по клавиатуре и управляющих мышью. Но когда противник смер-

тельно ранил его в спину, он закричал и, отчаянно хватаясь за жизнь, с недоумением смотрел на монитор, который заливала волна ярко-алой крови. Там, по ту сторону экрана, он уже не существовал, а тут, в уютной и теплой комнате, освещенной мягким светом настольной лампы, он оставался живым, и неплотно закрытую форточку вдруг распахнул порыв ветра, и несколько снежинок упало на его разгоряченный лоб...

Его волновала и притягивала магия игры. Может быть, потому что Евгений мало играл в детстве. Мать постоянно кутала его в кофты и теплые шарфы, но он всё равно умудрялся простывать, и, сидя у окна, с завистью следил, как во дворе разгорается очередная «войнушка», и как мальчишки копают в сугробе лабиринты или воздвигают снежную бабу.

В отличие от своих сверстников он много читал, и, обмирая над страницами Виктора Гюго или Вальтера Скотта, представлял себя на месте их отважных героев, и, когда роман заканчивался, с нескрываемым сожалением переворачивал его последнюю страницу. Но в их домашней библиотеке всегда находились другие книги, в некоторых из которых иллюстрации были прикрыты прозрачной папиросной бумагой. Она, как туман, делала картинки загадочными, неясными, наполненными предчувствием тайны. И он с трепетом отдувал шуршащий лист, и восхищенному взору являлась какая-нибудь сцена из старинной дворцовой жизни, или мощные булыжником улочки какого-нибудь средневекового

города, или пир рыцарей в замке короля Артура, или красоти, кокетничающие с галантными кавалерами. И Женя мысленно ступал на эти серые камни, нагретые солнцем Фландрии, и вдыхал приторные запахи таверны, и с изумлением следил за битвой Дон Кихота с ветряными мельницами...

Развитое воображение позволило ему сразу же освоиться в The Sims – симуляторе жизни, придуманном американцами. Он вошел в этот виртуальный мегаполис, получил пособие по безработице и поселился в старом трейлере, который быстро обставил ещё вполне недурственной мебелью, найденной на свалках. Работу подыскал тоже быстро, причем не абы какую, а приличную, для чего пришлось пройти придирчивые тесты. Но они для Жени были сущей ерундой, потому как, во – первых, за его плечами – приличный экономический вуз, а во-вторых, путешествуя по Интернету, он много каких тестов навидался и нарешался. Работа в виртуальной компьютерной фирме принесла достаток, он уверенно поднимался по служебной лестнице, купил настоящий двухэтажный дом с бассейном и садом, а трейлер, в котором начал жизнь в этом мегаполисе, поставил под куст акации и развел в нем кроликов. У него появилась жена, дети: один мальчик и одна девочка. И если бы не какой-то смертельно опасный вирус, то так бы они и жили счастливо в том маленьком волшебном мирке. Но вирус сначала убил жену, переметнулся на дочку, и на её лечение пришлось потратить целое состояние. А причина-то была, оказывается, в тех самых

кроликах, которых он разводил в трейлере. Это они распространяли злобный вирус. Но Женя догадался об этом поздно, а, догадавшись, махнул рукой и вышел из The Sims насовсем.

К этому времени он уже знал две философии жизни: самосовершенствование и успех. Последнее заставляет человека думать, что у него всего мало, и в этом виноват весь окружающий мир: туда не пускают, этого не дают, то запрещают, это отнимают, и кислород перекрывают, и никакой тебе свободы... Если даже у этого человека будет вилла на берегу Средиземного моря, кругленький счет в швейцарском банке, автомобиль самой крутой марки и гарем, состоящий сплошь из топ-моделей, ему всё равно не перестанут мерещиться королевский замок, сокровищница Великого Могола, принцессы из европейских династий, хрустальные унитазы с крышками из платины. В общем, это как та пушкинская старуха, которая жаждала все большего успеха, и, пресытившись, возмечтала стать морской царицей. Финал известен.

Самосовершенствование, по мнению Евгения, – это, в принципе, не так сложно, как о том писали Лев Толстой или Рабидранат Тагор, или кто там ещё такой же умный. Это проще. Ну, когда утром смотришь на себя в зеркало, видишь опухшую с похмелья рожу и, качая головой, говоришь: «Ё-моё! Братишка, как же ты дошел до жизни такой, а? Вместо того, чтобы работать, сделать что-то полезное и достойное, ты водку хлещешь. Ну, и кто виноват, что у тебя ничего не получается? Ты сам и виноват! А водку тебя, говнюка, кто

заставлял пить? Сам и пил! Давай-ка, братишка, очухивайся и принимайся за работу. Хватит филонить!» Вот примерно это Евгений и считал самосовершенствованием. В пределах The Sims ему, однако, пришлось добиваться успеха, успеха и успеха, что, в конце концов, порядком ему наскучило.

После «симулятора жизни» ему больше всего понравилось сидеть в чатах, телеконференциях, на досках объявлений. Физически его в Сети не было, вместо него там обитал его образ, и он мог подать себя, как хотел – приукрасить внешность, изменить биографию, добавить утонченности вкусов и образованности, используя какие-нибудь электронные «шпаргалки». Он знал, что и другие ники ведут себя соответственно, и не обольщался надеждой встретить кого-то, кто разрушит барьер между реальностью и зазеркалем. Но втайне, конечно, об этом мечтал.

Когда Она прислала ему первое электронное письмо – от своего настоящего имени, он вдруг понял: вот он, шанс соединить мечту и действительность! В виртуале Она мало чем отличалась от себя реальной: те же искренние интонации, гибкий ум, романтичность, одиночество. Но он-то выступал в чате под ником Сверчка: эдакий непоседа, старичок-говорун, любящий уют и теплую осеннюю погоду.

В письмах ему захотелось стать самим собой, и он не стеснялся рассказывать о своих проблемах, затянувшейся холостяцкой жизни, работе, которая большого вдохновения не требует, но зато кормит. И ещё он вообразил, что влюб-

лен в Неё, и сочинял страстные послания, стихи, украшал свои тексты цитатами из Пушкина, Лермонтова, Ходасевича, Мандельштама. Она отвечала ему трогательными записочками, которые, казалось, пахли альпийскими фиалками и первым весенним дождем.

Евгений никому не говорил об одном, быть может, незначительном эпизоде, который случился в аэропорту. Когда он взял Её руку, то его будто бы легонько стукнуло током, на какое-то мгновение в глазах потемнело, и он с удивлением подумал о том, что эта земная женщина что-то делает не так, не по правилам: они для неё не существуют. И не случайно Она первой потянулась губами к нему. А ведь, по его представлениям, это он должен был играть активную роль.

Евгений сдержал слово: никому не рассказал о встрече в аэропорту. Его друзья, хотя и знали о ней, но сами ничего не видели и не слышали, и сколько не расспрашивали его – что, мол, да как, – он загадочно улыбался и молчал. Но ему надо было выговориться, хоть как-то выплеснуть накопившиеся эмоции, в конце концов, похвастаться столь необычной историей – и он доверил её бумаге.

– Женя, – позвала его мама. – Там с работы тебе звонят... Подойди к телефону!

– Я в отпуске...

– А у вас что-то по бартеру дают, – сказала мать. – Может, подойдешь, узнаешь, что именно?

Оказывается, цветочный салон, компьютеры которого об-

служивала родная фирма Евгения, предложил роскошные букеты желтых роз, и почти даром. Видно, вся эта красота грозила вот-вот увянуть, неостребованная посетителями «Евро-Букета». Там умели составлять искусные букеты и композиции. В них даже какая-нибудь обычная сухая ветка или метелка полыни выглядели дивной экзотикой. Однако и стоил такой букетик прилично!

– Есть кому дарить цветы? – спросили Евгения. – А может, поставишь этот букет в своей квартире?

– Да, конечно! – ответил Евгений. – Запишите один букет на меня. Кстати, посыльный салона может доставить его по адресу?

– Без проблем! Твоя фамилия будет в списке, список – в салоне, так что позвони завтра и назови адрес сам...

Ему некому было дарить цветы. Но он вспомнил Кисулю, которая на днях вздыхала в чате по поводу маленьких радостей. Она недоумевала, почему люди разучились их делать друг для друга просто так, бескорыстно, от чистого сердца.

Кисулю возмутил один молодой человек. Он подарил ей на 8 марта три гвоздики, а через несколько дней, встретив в институте, предложил:

– У меня родители уехали на пару дней. Приходи ко мне сегодня вечером...

– Ты что! За кого ты меня принимаешь? – рассердилась Кисуля. И даже ножкой топнула.

– А зачем тогда цветы брала? – изумился этот молодой

человек. – Их просто так ни один дурак не дарит...

Но Дьяволенок решил послать ей розы из «Евро-Букета» просто так. Ему нравилась эта хорошенькая, искренняя и, судя по всему, чистая девушка. Он её никогда не видел в жизни, как, впрочем, и она – его, но, согласно её теории маленьких радостей, личное знакомство в данном случае вовсе не обязательно: добро ходит по кругу, не требуя визитных карточек.

4.

Николай Владимирович с интересом наблюдал, как Покойник с достоинством прошел по комнате и решительно уселся за стойку бара, потребовав себе кружку светлого пива.

– На том свете от алкогольных напитков тебя ещё не отучили? – ехидно поинтересовался Ди-Джей.

– Фууу! Какое амбрэ! – зажала носик Дарлинг. – Хоть бы освежитель воздуха с собой носил!

– Всё – тлен, – изрек Покойник. – И ты, кошачий корм, тоже тлен.

– Но-но! Попрошу без оскорблений, – надулась Дарлинг. – Мой ник никак не связан с кормом «Дарлинг». Я сама по себе – дарлинг: дорогая, дражайшая и тэ дэ...

– А че тебе не лежится в могилке, Покойник? – поинтересовался Синьор Помидор. – Ходишь тут, народ пугаешь!

– Мне приятно посидеть в кругу потенциальных обитателей могил, – ласково улыбнулся Покойник, отхлебывая пиво. – Разве ты не знаешь, коллега, что человек, появившись на этот свет, тут же начинает свой путь к смерти?

– Ну и тема у вас! – пискнула вошедшая в чат Женюлька. – Ничего лучше не нашли для обсуждения?

– Женюлька-красотулька! – воскликнул Синьор Помидор. – Почему на чатовки не проходишь? Скучаю по твоей улыбке!

– Папа с мамой не пускают, – пожаловалась Женюлька. – Сиди, говорят, дома и готовься к вступительным экзаменам в институт...

– А ты им скажи, что ходишь на вечерние подготовительные курсы! – подсказал Ди-Джей. – И это будет истинная правда. Уж Синьор Помидор постарается подготовить тебя к жизни институтки, гыыыыы!

– Женюля, ученье – свет, – Покойник вздохнул. – Но отчего ж вокруг такая тьма?

– А это потому, что твою могилку ещё не электрифицировали, – сказал Синьор Помидор. – Не додумались на том свете до лампочек Ильича!

– Откуда тебе, юноша, знать, до чего там додумались или не додумались? – усмехнулся Покойник. – Жизнь – это маленькая смерть, а смерть – большая жизнь...

– Фу на вас! – рассердилась Женюлька. – Думаете, всем приятны эти загробные темы? Покойник, ты бы ник сменил,

что ли?

– Не могу, – Покойник слабо улыбнулся. – Я на самом деле покойник...

– Приходи на чатовку, – предложил Ди-Джей. – Мы в тебя вольем живой воды под условным названием «Русская водка» – и ты воспрянешь, оживешь!

– Бывал я, бывал на ваших чатовках, – Покойник пренебрежительно махнул рукой. – Там и скучно, и грустно, и некому руку подать...

Николай Владимирович был полностью согласен с этим утверждением Покойника.

Раз в неделю, обычно по пятницам, участники чата собирались в трактире, который местный пивоваренный завод открыл в центре Ха на первом этаже старинного особняка. Всезнающие краеведы утверждали, что до октябрьского переворота тут была гостиница «Русь» с номерами, на окнах которых висели бархатные яркого гранатового цвета ламбрекены с золотыми позументами. На стенных дубовых панелях перемежались пасторали кисти неизвестного автора и копии миниатюр Ватто. Над окнами в букетах аляповатых роз резвились гипсовые амурсы.

Нумера здесь снимали расфранченные ловеласы, в потолок били пробки от шампанского, и стены окроплялись его брызгами, и смеялись грудным смехом соблазняемые курсистки, а уже соблазненные матроны, являвшиеся сюда в вуалях, молчаливо и сосредоточенно предавались греховным

наслаждениям. Добропорядочные горожане, впрочем, тоже посещали это заведение, которое славилось своей ресторацией: тут подавали рябчиков, сохатину, заливную калугу под нежным французским соусом, но гурманы предпочитали устриц, осьминогов, морских раков, креветок и мясо каких-то неведомых ракушек, которые доставлялись из соседнего Китая.

Экзотические блюда готовил веселый и хитроватый повар Лян. Местные кухарки с ужасом и восторгом нашёптывали друг другу, что он владеет острым ножом столь ловко, что, не глядя, молниеносно шинкует зелень, рубит мясо тонкими и длинными, как лапша, кусочками – чуть промахнись и точно без пальца останешься. Ну, не иначе этот хунхуз прежде был разбойником!

В раскаленных сковородах вечно шипело масло, из котлов струился ароматный пар, а на открытом огне тушки каких-то птиц и мелких зверьков покрывались ровной золотистой корочкой. Народная молва гласила, что Лян не брезгует голубями, кошками, собаками, крысами и даже, прости господи, лягушками и змеями. Ценители кулинарных способностей китайца, впрочем, не стремились выпытывать его секреты, они предпочитали наслаждаться его искусством.

Но теперь в трактире ничто не напоминало о кулинару Ляне. Пиво тут наливали из бутылок, пластиковых полутора литровых бутылей и больших кег. Из закусок были квадратные пельмени, сваренные без затей в чуть подсоленном

кипятке, а также фисташки, арахис, вяленая корюшка и сушеный кальмар. Публику это, впрочем, вполне устраивало. Здесь собиралась в основном молодежь, причем, небогатая, предпочитающая не напиваться и обжираться, а общаться. Причем, чаще всего это был какой-нибудь стёб, обычное зубоскальство:

– О, смотри Деми пришла! Ну и жиртрест....

– Каждая женщина, даже Деми, достойна секса, а некоторые — даже не один раз...

– Да ну её! Она же своим потом умоет, и орёт, наверно, так, что всех соседей перебудит...

– «Не так я вас любил, как вы стонали»! Гы-гы!

– Тебе бы всё улыбаться...

– Жизнь так коротка, потерпи чуть-чуть...

– Когда мужчине плохо, он ищет женщину, а когда хорошо, – ищет ещё одну.

– Ага! Типа Деми... Для разнообразия. Гы-гы!

Чатовцы, избрав трактир местом встреч, поначалу стремились сюда, чтобы удовлетворить свое любопытство: интересно ведь посмотреть на реальных людей, скрывающихся за какими-нибудь фантастическими никами. Но, во-первых, некоторые из любителей виртуального общения не желали тут показываться, считая, что ники для того и существуют, чтобы отделиться от прозы обыденной жизни, и ни за какие коврижки не соглашались показать свое истинное лицо. Во-вторых, тех, кто все-таки решился на общение в трак-

тире, ничто, кроме диалогов в чате, не связывало, и выяснилось, что остроумный говорун на самом деле может оказаться скучным молчуном, а какая-нибудь прекрасная красотка – обыкновенной намалеванной куколкой, озабоченной прыщиками на лбу. Порой всё общение сводилось к перескакиванию разговоров в чате, восторгам по поводу каких-нибудь удачных реплик, а когда говорить было не о чем, – травились всякие байки и анекдоты, большинство которых было известно по специальным ежедневным рассылкам портала «Омен. Ру».

Юным мальчикам и девочкам эта тусовка, может быть, и нравилась. Но тем, кто был старше, не хотелось тратить время на пустопорожние разговоры и зубоскальство. И если они сюда заходили, то ради кружки-другой свежего пива или для предметного, делового разговора: большинство так или иначе были связаны с компьютерами, им требовались новые программы, «железо», какие-нибудь микрочипы – вот и обменивались между собой всем этим добром.

Николай Владимирович выбирал в чате какой-нибудь интересный ник и назначал встречу его носителю не в трактире, а в кафе «Руслан». Там было чище, спокойнее и малоллюдней. То же самое пиво стоило здесь несколько дороже, но материальный вопрос графа уже давно не заботил.

В лаборатории, которая, по слухам, финансировалась чуть ли ФСБ, он получал вполне приличную зарплату. Впрочем, внешне это было обычное научно-исследовательское

учреждение, на котором висела вывеска известного академического института. Но после того, как одну из комнат лаборатории занял в одночасье ставший знаменитым доктор Чжен, по Ха поползли слухи: там, мол, приручают так называемые биополя и занимаются какими-то чудовищными опытами.

Доктор Чжен в семидесятые годы, в самый разгар «культурной революции», умудрился сбежать из маоистского Китая. Как он перешел границу, которую с той и с другой стороны охраняли как зеницу ока, – это самая настоящая загадка. Ещё таинственней было то, что его, по обычаю тех лет, не депортировали в сопредельную страну, а отправили сначала на поселение в один из самых глухих леспромхозов, где днем Чжен валил лес, а вечерами лечил окрестный хворый люд. Он делал это с помощью серебряных иголок, которые втыкал в определенные точки на теле.

Тогда об акупунктуре не имели понятия даже профессиональные медики, и сначала Чжена объявили шарлатаном и запретили ему лечить народ. Но однажды в тот леспромхоз прилетел вертолет, и люди в военной форме посадили в него лекаря-китайца. Говорят, что он за две недели поставил на ноги какого-то высокого чиновника краевого масштаба, которого после инфаркта чуть ли не паралич разбил.

Возможно, это была одна из легенд, окружавших имя доктора Чжена, но, скорее всего, – истинная правда. Потому что без тайных покровителей он навряд ли нашел бы денег, чтобы купить в самом центре Ха крепкий двухэтажный домик,

окруженный уютным садиком, и, скорее всего, намучился бы с подтверждением своего высшего медицинского образования, полученного в Шеньяне, и, поскольку в те годы частная врачебная практика не особо приветствовалась, он потратил бы годы, чтобы добиться разрешения на неё, а тут – пожалуйста, на дверях дома вскоре появилась вывеска: «Восточная иглорефлексотерапия. Официально практикующий доктор».

Подвал своего дома доктор Чжен разгородил на две половины, и в каждой построил странные сферические конструкции, покрытые серебристым металлом и опутанные бесчисленными медными проводами и трубочками. После праведных трудов на ниве иглоукалывания он спускался в подвал и, хотя во всем доме был один-единешенек, запирался изнутри на замок и задвигал крепкий стальной засов. Что он там делал – это тоже до поры-до времени было тайной.

Между тем, любопытные граждане стали замечать, что в саду доктора Чжена творятся чудеса: на яблонях зреют диковинные плоды, напоминающие формой дыни, смородина была похожа на крыжовник, а на стеблях кукурузы красовались пучки золотистых початков наподобие фантастически огромных колосьев пшеницы. В небольшом вольере, примыкавшем к сараю, резвились цыплята, но при ближайшем рассмотрении выяснялось, что это, скорее, утята: на это ясно указывали их перепончатые лапки, плоские носы, а также склонность плескаться в корыте с водой. В двух больших

клетках сидели пушистые белые кролики, и тоже необыкновенные: ближе к затылку, там, где начинались их длинные уши, торчали самые настоящие козлиные рожки!

Ха наполнился слухами. Некоторые сплетники утверждали, что доктор Чжен пошел дальше Мичурина: тот колдовал над растениями, а этот умудряется скрещивать породы разных животных, чего, по всем законам биологии, просто не может быть. Очевидцы утверждали, что однажды в диковинный сад китайца выбежал огромный кабан и с диким ревом кинулся на забор. Чжен вышел на крыльцо, спокойно посмотрел на хрюка и, протянув в его сторону руку, что-то резко и отрывисто сказал. Кабан моментально успокоился и покорно подошел к крыльцу. Случайные очевидцы сего происшествия клялись и божились, что по ступенькам он взбирался как человек, держась передними копытами за перила.

Вскоре в одной из городских газет появилось интервью с доктором Чженом. Он утверждал, что открыл секрет биополя, которое на самом деле представляет собой не что иное, как специфические излучения в СВЧ-диапазоне. Если изловчиться и поймать их на специальный приемник, то на нем, как на экране телевизора, появится не просто изображение, а как бы точная копия организма. Если таким приемником будет живое биологическое существо, то оно, выражаясь понятным языком, вберет в себя передаваемую информацию и приобретет новые черты.

Для наглядности доктор Чжен продемонстрировал своих куроуток. Оказывается, яйца обычных кур он каким-то образом умудрился облучить биополем утки. В результате на свет божий явились странные цыплята с перепонками на лапках и утиными носами.

И чудеса в его саду тоже объяснялись целенаправленным воздействием биополей одних культур на другие. А насчет кабана, перепугавшего своим ревом жителей окрестных домов, китаец в интервью корреспонденту сказал следующее: «Что такое секрет вечной молодости графа Калиостро? Это энергия ци – так её именовали китайские мудрецы. Европейцы знают систему боевого искусства цигун, но они не знают, что ци – это основа всего, и тот, кто овладеет этой энергией, получит эликсир вечной молодости. У меня пока его нет. Но я умею сбрасывать все болезни и хвори на живой приемник, которым стал мой кабан. Более того, поскольку биологические структуры этого животного близки человеческим, то его органы можно использовать для оздоровления: допустим, у вас больная печень – её можно вылечить биоизлучениями здоровой печени поросёнка. При этом его печень впитает в себя нездоровые излучения человеческой. Это называется биоэнергетическим обменом. И ничего загадочного в этом нет. Все знают, допустим, что кошки умеют снимать стрессы своих хозяев. Как это происходит? Очень просто: кошки забирают отрицательную энергию себе...»

Прочитав это интервью, Николай Владимирович развесе-

лился. Хитроумный китаец, не желая рассказывать об истинном смысле своих опытов, выглядел эдаким таинственным современным алхимиком. То, что он плел насчет всяких биополей и их влияния друг на друга, наверняка удивило людей, далеких от науки, но специалисту было понятно, что доктор Чжен либо что-то недоговаривает, либо он всего-навсего шарлатан, который, занимаясь доморощенной генной инженерией, выдает её за нечто большее.

Впрочем, навряд ли он был обманщиком: в свои шестьдесят пять лет китаец выглядел свежим тридцатилетним мужчиной, и его глубокие темные глаза полыхали живым огнем, а походка была легка и стремительна, – всё это наводило на мысль о том, что он что-то такое проделывает с собой. И это отнюдь не банальная хирургическая подтяжка одряхлевших мышц.

Николай Владимирович так же, как и доктор Чжен, обнаружил странные, ни на что не похожие СВЧ-излучения живых организмов. Картина складывалась загадочная: тело человека, будто сито, покрыто сотнями точек, излучающих слабые волны, но ими управляла некая сила, местонахождение которой не мог зафиксировать ни один самый чувствительный прибор.

И, как это часто бывает в науке, помог случай. Однажды Николай Владимирович, засидевшись в лаборатории до полуночи, так зверски захотел есть, что, не долго думая, решил сварить подопытного цыпленка. Забыв отключить от него

датчики, он без всякой жалости перерезал цыпущке горло: брызнула кровь, птица забила в его руках, и вдруг прибор «поймал» мощный сигнал. На специально сконструированном экране вместо привычных синусоид забило изображение, напоминавшее головастого малька. И, самое поразительное, эта рыбка вдруг начала испускать лихорадочные сигналы, в точности копировавшие обычные биоизлучения цыплёнка.

Николай Владимирович не растерялся и умудрился переместить этот сгусток энергии в специальный приемник. Он несколько дней не выходил из лаборатории, и напоминал сумасшедшего: глаза горели сухим жаром, скулы заострились, с губ срывались какое-то бессмысленное бормотанье, а всклокоченные волосы и порывистые движения почти убедили его коллег, что он тронулся умом.

Но однажды утром Николай Владимирович вышел в коридор, как всегда, аккуратно причесанный, чисто выбритый, с ироничной улыбкой на чувственно пухлых губах. Он вальяжно подошел к лаборантам, курившим у окна, и просто-душно развел руками: «Заработался я, братцы. Даже за куревом некогда было сбегать. Одолжите сигарету...» И, прикуривая её от кем-то предупредительно поднесенной зажигалки, неожиданно хмыкнул, игриво подмигнул сразу всем и произнес в пространство: " А душа, братцы, существует-таки! Я это теперь знаю наверняка!» И, попыхивая халявной сигаретой, пошел прочь, мурлыкая себе под нос какую-то

незатейливую мелодию, вроде как даже «Чижик-пыжик».

А у доктора Чжена вскоре после интервью, сделавшего его знаменитым, начались неприятности. Его дом, оказывается, стоял в полосе застройки, и мэрия настаивала на немедленном переезде Чжена в квартиру, выделенную ему в одном из самых престижных домов Ха. Не только дом, но и чудесный садик подлежал сносу, и сколько не убеждал доктор власти, что таким образом будет уничтожен уникальный научный материал, никто и слушать ничего не хотел. Правда, градоначальник взамен предложил ему довольно большой участок земли за городом, где ученый мог бы продолжить свои опыты. Позаботились и о том, чтобы китаец перевез свое оборудование в тот институт, где работал Николай Владимирович. Их лаборатории оказались рядышком, и они волей-неволей стали общаться.

Во всем этом виделась бы какая-то случайность, если бы не было известно, что любая случайность – проявление общих закономерностей, тем более в России, где ничего не происходит просто так.

И тут стоит сказать, что Николай Владимирович сообщал коллегам, что заинтересовался Интернетом совершенно случайно. Как-то зашел к компьютерщикам в соседний отдел, чтобы попросить их отослать письмо электронной почтой. Как это делается, он до того и понятия не имел. Просто отдавал им лист бумаги с готовым текстом и уходил.

Он полагал, что электронная почта – это что-то вроде те-

леграфа: оператор наберет текст и отправит его по каналам связи, а что и как при этом происходит – его не интересовало. А тут на экране монитора он вдруг увидел необычный текст, похожий на пьесу: действующие лица вели диалоги, людей было много, и как они успевали перебрасываться фразами друг с другом – это было просто загадкой.

– Я чатюсь, – объяснил компьютерщик Володя. – Болтаю о том – о сём, а в общем – ни о чем... Снимаю дневное напряжение. Такие разговорчики помогают расслабиться...

– И ты знаешь всех этих людей? – удивился Николай Владимирович. – Их не меньше тридцати! У тебя, оказывается, полным-полно знакомых. А я-то считал, что ты днюешь и ночуешь за компьютером, и тебе не до общения...

– Нет, в реале я вообще ни с кем из них не знаком, да и зачем их знать в лицо? – Володя пожал плечами. – Виртуал – это одно, а реал – другое. И я стараюсь их не смешивать. Пиво люблю реальное с друзьями не виртуальными!

Николаю Владимировичу тоже захотелось поговорить с кем-нибудь в чате. И попробовав раз, он так прирасслабился к такого рода общению, что вскоре попросил свое начальство оборудовать лабораторию компьютерной техникой и открыть доступ в Интернет.

Со стороны могло показаться, что он совершенно случайно заинтересовался чатами. Сам Николай Владимирович объяснял свою страсть к виртуальному общению тем, что оно снимает напряжение, позволяет расслабиться, самовы-

разиться, найти интересных собеседников. Но на самом деле он искал на безбрежных виртуальных пространствах людей, которые мечтали что-то изменить в своей судьбе, или вообще сами не знали, чего хотели, или, напротив, хотели чего-то конкретного, но их возможности были слишком малы и ограничены.

Так он познакомился с Привидением, которого на самом деле звали Александром. Он преподавал культурологию в педагогическом колледже, увлекался разными эзотерическими учениями и мечтал о том, чтобы судьба свела его с чем-нибудь неведомым, и мир открылся бы ему с неожиданной, тайной стороны.

– А не испугаешься? – по губам графа Грея скользнула лукавая усмешка.

– Было б чего пугаться! – самонадеянно ответил Привидение.

– И не пожалеешь ни о чем?

– Чего жалеть? Эту скуку и тоску? – задиристо ответил Привидение. – Или эту жизнь, в которой никогда и ничего значительного не случится? Ну, разве что когда-нибудь профессором стану. Так этих профессоров тьма тьмущая расплодилась...

– А позволь поинтересоваться, почему у тебя такое имя – Привидение?

– А нынче умные люди – это всё равно, что привидения: все о них говорят, но никто вблизи не видел...

– Ты считаешь себя умным?

– Я достаточно глуп, и потому утверждаю, что кое-что всё-таки знаю.

– Ну, значит, тебе ещё расти и расти до мудрецов, которые знают, что ничего не знают, – усмехнулся граф Грей.

– Многие знания – многие печали, – Александр иронично пожал плечами. – Я пока не печалюсь ни о чем, и мне хочется знать как можно больше. Я не боюсь знания!

– И не боишься последствий потрясения знанием?

– Вот еще!

– Хорошо, – Николай Владимирович вздохнул и нахмурился. – Ты, видимо, не знаешь историю личной жизни философа Раймунда Луллия?

– Я вообще такого философа не знаю...

– Он не относится к столпам, поддерживающим фундаментальные своды философии, – Николай Владимирович закурил и пустил кольцо дыма в потолок. – Раймунд Луллий – это, скорее, эдакий прихотливый завиток в орнаменте на фронтоне монументального здания. Впрочем, к чему определения? Вот его история. Он обожал одну знатную даму, но она постоянно отказывала ему в свидании. И тогда он пустился в долгие, опасные странствия, чтобы забыть о даме своего сердца и утихомирить страсть. Но любовь оказалась выше его рассудка. И вернувшись обратно, он добился-таки встречи с возлюбленной. Дама, не говоря ни слова, обнажила свою грудь. И он увидел жуткие, кровоточащие язвы. Кра-

савица была больна раком. Каким-то чудом лишь лицо оставалось чистым и свежим, а все тело было изуродовано метастазами. Сказать, что Луллий был потрясён – значит, ничего не сказать. Вся его жизнь изменилась напрочь. Он задумался о душе и теле, их парадоксах и занялся, в конце концов, теологией. В историю он вошел как один из величайших церковных миссионеров...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.